

Я выжимаю из мышц всю выносливость. Тело уже достигло своего предела, но разум упорно отрицает это, доводя до изнеможения. Разница между разумом и инстинктом давно исчезла. Конечности двигаются сами собой, глаза фиксируются на следах, и страх потерять их поглощает меня. Но, как желание жить на грани смерти, моя ненависть направлена на следы бродяг.

Разрыв между нами и ними постепенно начал сокращаться. Хотя падающий снег замел следы и дал им возможность скрыться в Городе, отчаянная погоня отбросила все предрассудки, оставив только ярость.

Мы судорожно метались от машины к машине, топая по наваленному снегу. Метель закрывает обзор, но нас не остановить. После прохода через тоннель открывается более широкая дорога. Сколько еще? Мы догоняем? Мой взгляд устремлен на спину старика.

Прошло невыносимо много времени. Стремительность погони и напряжение в теле сковывали дыхание, заставляли сердце бешено колотиться. Я хотел бежать, как псих, до тех пор, пока не разорвется тело, но каждый раз, когда это делал, Старый меня сдерживал. Бездумным гневом ситуацию не исправить. Моя ненависть должна превратиться в огонь, чтобы спалить их дотла.

Мы двигались вперед, тише снега, незаметнее ветра, пока не увидели вдали реку Хан и знак, указывающий на тропинку рядом с ней. В этот момент Старый остановился, медленно наклонился, касаясь рукой следов на земле, и сказал со смесью восторга и лютой ненависти.

— Нашёл.

Слова отдавались в моих нервах, дрожью пробегая по телу. Пальцы, которые начали слегка трястись, сжали винтовку, и я ощутил всю тяжесть металла, ледяного на холодном ветру. Старик тихо поднимается со своего места. Ветер дует, но свеча надежды, которая вот-вот погаснет, продолжает мерцать.

Старый протягивает мне бинокль. Я беру его, протискиваясь между машинами, и навожу в ту сторону, куда указывает старик. Мы находимся на парковке у парка Ханган. Места для укрытия предостаточно, благодаря скоплению машин, преграждающих путь к выходу. Мы пригнулись между машинами, наблюдая за местом скопления бродяг.

Плавающий ресторан "Хан Ривер", как гласила побитая вывеска, был превращен в прибежище бродяг. Это была крепость, заблокированная со всех сторон водами реки Хан. Вход туда только один, и бродяги это прекрасно знали, поэтому соорудили прочную баррикаду, чтобы полностью перекрыть вход в здание.

Но старик разрушил их ожидания.

— Дождемся, когда солнце сядет, а затем доберемся вплавь.

У единственного входа столпилось не меньше десятка человек, которые стояли на страже между входом и баррикадами. Конечно, мы со Старым могли бы прорваться и попасть внутрь прямо сейчас, но люди, которых мы должны были спасать, превратились бы в заложников.

Ночь скроет нас, будем использовать ее, чтобы ориентироваться в бурных и холодных водах реки. Нападем на бродяг со спины, пока они сосредоточат все свое внимание на дороге. Станем острым кинжалом, который вонзится в них, когда они меньше всего этого ожидают.

Мы должны остаться незамеченными и спасти Кан Су Рён.

Все происходило наперегонки со временем, но нельзя быть нетерпеливыми. Ошибка — это смертный приговор, и я опустил бинокль с этой тяжелой мыслью. Было уже три часа дня. Через два часа солнце начнет садиться, но я не собирался сидеть без дела.

Запахнул в рот энергетический батончик и запил водой. Конечно, организм отверг пищу, и меня вырвало, но я не остановился. Нужно заставить себя есть, чтобы двигаться. Но я не чувствовал вкуса, только жевал и глотал, отчаянно пытаюсь восполнить силы.

— Вот, взял второпях.

Старик присел рядом и порылся в своей сумке, протягивая мне целый магазин патронов и заточенный меч. Я взял их и посмотрел на Старого, который тяжело дышал. Старик, который всегда был непоколебим и всегда прикрывал мою спину, заметно постарел. Пышные седые волосы, бледное морщинистое лицо и дрожащие руки. Я положил руку на вздымающуюся грудь, чувствуя, как защипало в уголках глаз.

Мышцы были уже на пределе. Возможно, неукротимый дух — единственная причина, по которой мы проделали такой путь. Я собирал все оставшиеся силы.

— Прости, — прохрипел я, снова чувствуя приступ самобичевания.

Как только слова сорвались с губ, мелкие вибрации исходили от дрожащих конечностей, и, что еще хуже, сердце медленно билось в груди. Не мог сказать, почему извиняюсь. Я был благодарен и испытывал облегчение от того, что старик всегда меня прикрывал. И все же мне жаль, что он вынужден столкнуться с уродливой реальностью, и это было все, что я мог сказать.

Но вместо печали и отчаяния на лице Старого появилась улыбка, которая была обнадеживающей, как никакой другой свет. В его словах желание жить, несмотря на все невзгоды и боль.

— У тебя получится, Дон Юн.

Это такой короткий, но такой желанный ответ. Меня терзали вопросы. Смогу ли я спасти ее? Что, если она уже мертва, смогу ли смириться с потерей? Все вызывало тревогу, и теперь я начинал чувствовать, что устал от жизни.

Возмущался всем, недоумевая, почему должен испытывать эту боль, почему меня подвергают этим испытаниям. Я находился среди боли и страха, в центре всего этого.

Но не из-за себя продолжал жить. После стольких скитаний и мучений я, наконец, нашел причину. Это то, из-за чего я иду искать Кан Су Рён, то, что я чувствую, когда Старый с теплотой сжимает мою руку.

Надежда — вот причина, по которой всё ещё живу.

Темнота окутывает Город, и это ужас, от которого никуда не деться, первобытный страх. От него невозможно убежать, как бы вы ни старались. Сколько бы ни просили, солнце не взойдет. И тьма приносит с собой другой ужас, которым станем мы. Сегодня ночью тьма убьет бродяг. Когда совсем стемнело, Старый, лежавший рядом со мной, тихо поднялся с травы и прошептал.

— Не стреляй, пока не найдёшь Кан Су Рён, понял?

Я кивнул, сунул винтовку и пистолет в большой полиэтиленовый мешок, который протянул мне старик. Повесил его на спину, а два меча взял в руки. У входа, видневшегося вдали, мерцали костры, разожженные бродягами. Мы обогнули их, свернули направо и вскоре оказались перед черной рябью реки Хан.

— В воде сильно не бултыхайся. Просто плыви по течению, — сказал Старый.

Я еще раз кивнул. Он подошел за мной к краю, снял с себя одежду, оставив только брюки и футболку, и первым нырнул в воду, подмигнув мне. Черная одежда сливалась с темными водами, не позволяя различить человека.

Я сделал два долгих вдоха. Затем медленно погрузился в воду, боясь издать малейший звук. Холод, начавшийся с ног, вскоре достиг пояса, и вода реки Хан, стала отнимать тепло моего тела, замораживая даже бешено бьющееся сердце. Но я стиснул зубы, погрузился в воду по шею, обвязал вокруг пояса веревку, которую протягивал мне старик, и позволил бурлящей воде унести себя.

Вода течет, и мы медленно приближаемся к ресторану. Старый заставляет меня погрузить голову по самые глаза, подчеркивая скрытность и бесшумность. Тело окончательно задубело,

но я упорно плыл по течению. Стиснул зубы. Холодная вода начала жалить кожу, но даже эта боль казалась теперь незначительной.

Надо потерпеть. Кончики пальцев замерзли, а пробирающийся холод добрался до головы. Губы дрожали, а начинающееся переохлаждение затуманивало мысли и разум. Но, несмотря на все это, я держал в голове цель — ресторан с людьми, которых нужно убить.

Старик потянул за веревку, на которой я болтался, и схватился за причал, куда мы приплыли. Это были мучительные минуты, которые показались мне часом, но я трясую головой, скорее для того, чтобы прогнать охватившее меня беспамятство, чем от радости, что я наконец-то доплыл. Прижавшись к причалу ресторана, старик медленно поднял руку и указал вперед. Мой взгляд последовал за его пальцем.

Я увидел, что по причалу движутся две тени. В руках у них фонарики, и мерцающий свет посветил в нашу сторону, а затем так же быстро исчез. Я напряг слух, и тут донеслись слабые звуки болтовни. Старый посмотрел мне в глаза и молча указал на одного из них.

Здесь два охранника. Но вместо того, чтобы стоять на одном месте, они заняты тем, что ходят туда-сюда. На мгновение я улавливаю, что именно имел в виду старик, и стремительно проплываю вперед, оказываясь напротив них и медленно вынимая меч.

Охранники что-то обсуждают и смеются, а я жду удобного случая для нападения. Руки тряслись от холода и злости. Через минуту один из них что-то пробормотал и пошел в сторону Старого, а другой направился ко мне.

Тот, что шел к старику, тут же спустил штаны и стал мочиться в воду, а тот, что шел ко мне, отвернулся, продолжая таращиться вдаль. Наконец-то, они разделились. Я медленно высунул голову из воды, пытаюсь унять колотящееся сердце.

Горячее дыхание вырвалось из замерзшего рта.

И в этот момент мужик, мочившийся в реку, исчез в темноте. Не было слышно ни единого крика. Он исчез с небольшим треском, как будто его утащил водяной демон. Я медленно поднял голову, и как раз в тот момент, когда второй повернул голову в сторону звука, я быстро протянул руку и резанул ему по ноге.

Острый клинок мгновенно перерезал сухожилия. Я схватил охранника за ногу, прежде чем он успел закричать, и потянул на себя, в воду. Стук от его падения эхом отдается в тишине. Я быстро протягиваю руку и зажимаю ему рот, а затем ныряю под воду, утаскивая его в темноту.

Убить его быстро не удастся.

Он пытается закричать в агонии, но черная вода заглушает его. Крики поднимаются на

поверхность пузырями воздуха. Но это был его последний вздох. Я поднял меч и вонзил ему в живот и грудь, но не целился в сердце.

Он извивался. Его жизнь потихоньку ускользает, но я подарил ему столько боли и страха. Его никто не найдёт. Черные воды реки похоронят в своей глубочайшей пучине знание о том, что человек этот когда-либо существовал.

Ощущаю странное спокойствие. Медленно выныриваю из воды, чувствуя, как умирает во мне человечность.

Теперь здесь царит тьма.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4868979>